

ПУБЛИКАЦИИ И СООБЩЕНИЯ

DOI: 10.31860/0131-6095-2021-3-142-155

© К. Р. Халиуллин

АНТИНАПОЛЕОНОВСКИЕ КАМПАНИИ 1805–1807 ГОДОВ И ВОЕННАЯ ТЕМА В РУССКОЙ ПОЭЗИИ*

«Все было устремлено в 1807 году к воспламенению умов в России к этой гигантской борьбе, и к этой цели употреблено единственное и *специальное средство: литература, или письмена*. Литература для *нравственной силы* есть то же, что рычаг и колесо для *силы тяготенья* — т. е. средство к движанию тяжестей. Кто не понимает меня, о том я крайне сожалею!

Манифесты, прокламации, театр, журналы, брошюры возжигали умы и сердца».¹

Приведенная цитата примечательна в нескольких отношениях. Во-первых, признанием значимости литературного слова как средства укрепления нравственной силы населения. Во-вторых, тем, что литературный ряд представлен историческими и политическими текстами («журналы»), агитационными материалами («брошюры» и «прокламации»), театральными постановками («театр») и официальными правительственными заявлениями («манифесты»). Важно обратить внимание на то, что список начинается с манифестов. В-третьих, мемуарист не говорит о том, что в «воспламенении умов» как-то участвовала поэзия.

В течение первого этапа русско-французской войны 1805–1807 годов (войны Третьей коалиции) было напечатано всего несколько военных стихотворений. В течение второй фазы противостояния (Четвертая коалиция) количество поэтических текстов резко выросло. В статье мы попробуем рассмотреть причины таких различий в поэтическом отклике на, казалось бы, сходные исторические импульсы. Данная задача предусматривает решение двух связанных с ней проблем: во-первых, необходимо описать поэтический контекст событий 1805–1807 годов; во-вторых, отметить наиболее интересные в историко-литературном отношении стихотворные тексты рассматриваемого периода.

В марте 1804 года постепенное ухудшение отношений России и Франции достигло пика, когда на территории курфюршества Баденского, нейтрального германского государства, правитель которого был тесно связан с русским императорским домом, был захвачен и по решению французского трибунала расстрелян герцог Энгиенский. 18 мая 1804 года Наполеон провозгласил себя императором Франции, после чего исчезли надежды на возвращение власти Бурбонам. В ответ Россия разорвала с Францией дипломатические отношения. С октября 1804 по июль 1805 года сформировалась коалиция трех государств — России, Англии и Австрии. 1 сентября 1805 года в Российской империи был объявлен рекрутский набор, а 9 сентября Александр I отправился к войскам.

Решение о начале войны против Франции, принятое Александром, не встретило особенной поддержки даже среди членов Государственного совета. Русское общество не было готово к войне, в нем еще была сильна инерция пронаполеоновских настрое-

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-31-27001. Acknowledgments: The report was funded by RFBR, project number 19-31-27001.

¹ Булгарин Ф. В. Воспоминания. Отрывки из виденного, слышанного и испытанного в жизни. СПб., 1846. Ч. 2. С. 322.

ний.² Александр не издал манифеста о начале войны, указ о рекрутском наборе стал его заменой. Император не объяснял причин новой войны, он ставил население России перед ее фактом. Это намеренное невключение народа во властный сценарий характерно для александровской стратегии царствования первого десятилетия XIX века.³ В мемуарах современников отразилось, что дворянство не сочувствовало действиям императора. Так, Булгарин писал, что основным смыслом войны 1805 года было желание потягаться с Наполеоном,⁴ а А. С. Шишков замечал с иронией: «Возгоревшаяся с Францией война воспламенила всех молодых людей гордостью и самонадеянием. Поскакали все, и сам государь, на поле сражения: боялись, что французы не дождутся их и уйдут, но, по несчастью, они не ушли и доказали им, что в подобных случаях лучше терпеливая опытность, нежели неопытная опрометчивость».⁵

Кампания 1805 года была проиграна союзниками. После капитуляции австрийской армии К. Мака русская, еще не успевшая соединиться с австрийцами, оказалась в полуокружении французов и была вынуждена ретироваться. Во время отступления 30 октября / 11 ноября 1805 года произошло сражение при Кремсе. Итог сражения Александр I в письме М. И. Кутузову назвал «новым венцом славы для российского войска»,⁶ официально оно было объявлено победой, хотя в действительности исход сражения не был однозначным: корпус маршала Мортье не был полностью разбит, а потери обеих сторон были примерно равны.⁷ 4 ноября произошел Шенграбенский бой, в котором 5 тысяч русских солдат, прикрывая отступление основных сил, отразили атаку 30 тысяч французов. Кутузову удалось расстроить планы Наполеона, однако, как замечает современный исследователь, «войны не выигрываются даже прекрасно организованными отступлениями».⁸

Военная лирика второй половины 1805 года представлена двумя текстами: «Стихами на победу русских над французами при Кремсе» А. Ф. Мерзлякова⁹ и «Песней солдатской. На выступление в поход в 1805 году» П. И. Голенищева-Кутузова.¹⁰

К 1805 году доминирующим стилем военной поэзии остается одический, заданный жанром торжественной военной оды на победу, который был создан М. В. Ломоносовым в оде «На взятие Хотина» 1739 года.¹¹ Смена поэтической парадигмы русской литературы, активно происходившая в данный период, еще не затронула военную поэзию — самый консервативный стихотворный жанр, полувекковая неизменяемость которого была обусловлена высокой военной темой, не имевшей, казалось, иного способа выражения.¹² Неодическая военная лирика конца XVIII — начала XIX века только появлялась и не была способна серьезно повлиять на батальную стилистику.

Стихотворение Мерзлякова, написанное одической строфой и следующее всем константам «государственной» оды (мотивы верности Богу, апелляция к славному прошлому, утверждение мировой роли России), продолжает линию смысловой трансформации одических мотивов, заданную в поэзии Г. Р. Державина.¹³ Если в ломоносовской оде

² Искюль С. Н. Внешняя политика России и германские государства (1801–1812). М., 2007. С. 71–74.

³ Подробнее см.: Уортман Р. Сценарии власти. Мифы и церемонии русской монархии: В 2 т. М., 2002. Т. 1. С. 258–324.

⁴ Булгарин Ф. В. Воспоминания. Ч. 2. С. 187–188.

⁵ Шишков А. С. Записки, мнения и переписка. Берлин, 1870. Т. 1. С. 95.

⁶ Русская старина. 2-е изд. 1870. Т. 1. С. 488.

⁷ Михайловский-Данилевский А. И. Описание 1-й войны императора Александра с Наполеоном в 1805 году. СПб., 1844. С. 107–109.

⁸ Айрапетов О. Р. История внешней политики Российской империи. 1801–1914: В 4 т. М., 2017. Т. 1. Внешняя политика императора Александра I. 1801–1825. С. 49.

⁹ Вестник Европы. 1805. Ч. 24. № 23. С. 238–240.

¹⁰ Друг просвещения. 1805. Ч. 4. № 11. С. 145–146.

¹¹ О военной оде в XVIII веке см.: Клейн И. Торжествующая Россия: военная лирика XVIII века // Slověne = Словѣне. International Journal of Slavic studies. 2018. № 1. С. 174–210.

¹² См.: Там же; Кузьмин А. И. Героическая тема в русской литературе. М., 1974. С. 48–103.

¹³ Алексеева Н. Ю. Русская ода: Развитие одической формы в XVII–XVIII веках. СПб., 2005. С. 308–354.

монарх — почти всегда абсолютная вершина текста, то в поэзии Державина возникает достаточно субъективный *росс*, способный на самостоятельные поступки.¹⁴ У Мерзлякова *росс* и царь вместе определяют абсолютное могущество России:

Цари клянутся быть друзьями;
Народы — быть тебе (Наполеону. — К. Х.) врагами
<...>
Росс держит равновесье мира,
И Александра порфира,
Как небо, светит над землей.

Стихотворение Голенищева-Кутузова представляет собой «солдатскую песню» — жанр, уже имевший прецеденты в поэзии второй половины XVIII века, но окончательно оформившийся позднее, в 1812 году. Несмотря на явное стилистическое отличие от оды, псевдонародная военная песня также оперирует категориями коллективного, ее предмет крайне обобщен и не подразумевает индивидуального, лирического переживания событий. В песне Голенищева-Кутузова уже определились будущие типовые особенности жанра: «солдатская» позиция певца, «ритуальное» высмеивание врага и такое же «ритуальное» самовеличание.¹⁵

После героического сражения при Шенграбене «имя Багратиона сделалось народным»,¹⁶ он стал известен широкому кругу русских людей. Генерал обрел такую популярность, что ему начали приписывать и победу под Кремсом (на что даже обиделся М. А. Милорадович).¹⁷ Багратиону были посвящены бравурный текст князя Шаликова¹⁸ (который обычно отмечают исследователи, говоря о поэтической реакции на подвиги Багратиона¹⁹) и опубликованное в июне 1806 года стихотворение А. А. Коптева,²⁰ в котором обыгрываются имя французского императора и фамилия российского военачальника (*Бог — рати — он*) и которое, в свою очередь, прямо зависит от стихотворного экспромта Г. Р. Державина «На Багратиона» («О, как велик На-поле-он!...»), ходившего по рукам в Москве, а в Петербурге отпечатанного на особом листе.²¹

Жители обеих столиц ощущали некоторое беспокойство, однако война никак не изменила порядок светской жизни (а французская театральная труппа продолжала давать в Москве спектакли). 28 ноября к дому московского главнокомандующего не-

¹⁴ Приведем лишь несколько примеров. В измайловской оде (1790) утверждается идея диалога народа и монарха: «Чего не может род сей славный, / Любя царей своих, свершить? / Умейте лишь, главы венчанны! / Его бесценну кровь щадить. / Умейте дать ему вы льготу, / К делам великим дух, охоту / И правойой сердца пленить. / Вы можете его рукою / Всегда, войной и не войною, / Весь мир себя заставить чтить» (*Державин Г. Р. Соч. / С объяснительными прим. Я. К. Грота. СПб., 1864. Т. 1. С. 358–359*). В оде «На взятие Варшавы» (1795) образ «росса» и образ императрицы совместно составляют идею могущества России: «Шагнул — и царство покори! / О Росс! о подвиг исполина! / О всемогущая жена! / Бессмертная Екатерина! / Куда? и что еще? — Уже полна / Великих ваших дел вселенна» (Там же. С. 641).

¹⁵ Жанр литературной солдатской песни складывался в «Оде российским солдатам на взятие Очакова...» Н. П. Николева (1789), стихотворениях Н. А. Львова («Солдатская песнь на взятие Варшавы», 1794), П. М. Карабанова («Гренадеры молодцы», 1796) и других авторов. См.: *Охотин Н. Г. 1812 год в поэзии и поэзия в 1812 году // Русская слава: Русские поэты об Отечественной войне 1812 года. М., 1987. С. 30–33.*

¹⁶ *Дубровин Н. Ф. Наполеон I в современном ему русском обществе и в русской литературе // Русский вестник. 1895. № 2. С. 221.*

¹⁷ Там же. С. 222.

¹⁸ *Шаликов П. И. «Герой, я вижу пред тобою...» // Московский зритель. 1806. № 1. С. 56–57.*

¹⁹ См., например: *Резанов В. И. Из разысканий о творчестве В. А. Жуковского. СПб., 1916. Вып. 2. С. 382.*

²⁰ *Коптев А. А. Стихи к кн. П. И. Багратиону // Московский курьер. 1806. Ч. 3. № 25. 20 июня. С. 400.*

²¹ *Державин Г. Р. Соч. Т. 2. С. 579.*

престанно подъезжали кареты, что вызвало определенное волнение, 30 ноября в первопрестольной стало известно о поражении под Аустерлицем. Впервые со времен Петра I (Нарвского сражения 1700 года) русская армия потерпела неудачу в генеральном сражении: «Мы не привыкли не только к большим поражениям, но даже и к неудачным стычкам, и вот отчего потеря сражения для нас должна быть чувствительнее, чем для других государств», — отмечал современник.²² Уже в конце ноября — в декабре государство начинает предпринимать действия по смягчению тяжелого впечатления, произведенного Аустерлицем на общее мнение. Так, Александр I мотивировал отказ от Георгиевского ордена первой степени в пользу знака четвертой степени тем, что не командовал русскими войсками, а отдал их в распоряжение союзников.²³ В этом ответе довольно явно звучит желание императора перенести ответственность за итог неудачной кампании на Австрию. Неготовность власти принять факт разгрома находит отклик в широких слоях населения: московские жители разных сословий отказываются верить в военный неуспех России.²⁴ 12 декабря в Москве пышно празднуется день рождения государя, а 18 декабря императора с восторгом встречают в Петербурге. С этого момента начинается замалчивание Аустерлица. Официально поражение не признавалось десятилетиями — только через 40 лет Николай I позволил историку А. И. Михайловскому-Данилевскому описать действительное положение вещей.²⁵ В газетах, еще до публикации официальных реляций, сообщалось, что в сражении 20 ноября поражение постигло австрийские войска.²⁶ Император приказал «прислать две реляции: одну, в коей по чистой совести и совершенной справедливости были бы изложены действия <...>, а другую — для публикации». ²⁷ 16 февраля 1806 года в «Санкт-Петербургских ведомостях» было напечатано официальное сообщение, в котором значительно преувеличивались французские потери и занижались русские, а исход битвы признавался ничейным. Подобное освещение битвы возмутило Наполеона, выпустившего даже специальный бюллетень в опровержение.²⁸

Не только в армии, но и в обществе не могли не понимать, что Аустерлиц стал самым громким поражением русских за почти век европейских войн. Н. Н. Новосильцев в январском письме 1806 года П. А. Строганову возмущался газетными публикациями и народными толками: «...представьте наше удивление, все добрые жители Петербурга восхищены отличными действиями нашей армии в последнем деле (Аустерлице. — К. Х.); говорят, что она состоит из героев, что мы трое совершили блестящие подвиги, что наша армия горела желанием возобновить бой, но что австрийцы не хотели того и в тайне от нас заключили перемирие; что, наконец, они были настоящие изменники, продавшие нас французам, и что мы проиграли сражение единственно от того, что они сообщили план его неприятелю». ²⁹ Сардинский посол в России Ж. де Местр в письме своему королю (январь 1806 года) утверждал, что при Аустерлице все погибло.³⁰

²² Жихарев С. П. Записки современника. М., 2004. С. 129–136.

²³ См.: Там же. С. 143.

²⁴ См. заметку от 2 декабря в дневнике С. П. Жихарева, в которой описываются мнения как «именитых москвичей», так и «бородачей-купцов», отказывающихся думать о нынешней военной неудаче как о серьезном поражении (Там же. С. 137).

²⁵ «...Сорок лет, почти полвека, Аустерлицкое сражение было в России закрыто какой-то мрачной завесой! Все знали правду, и никто ничего не говорил, пока ныне благополучно царствующий государь-император не разрешил генералу А. И. Михайловскому-Данилевскому высказать истину» (Булгарин Ф. В. Воспоминания. Ч. 2. С. 186).

²⁶ Санкт-Петербургские ведомости. 1805. 8 дек. № 61.

²⁷ Богданович М. И. История царствования императора Александра I. СПб., 1869. Т. 2. С. 105.

²⁸ См. подробнее: Парсамов В. С. В. А. Жуковский и официальная пропаганда в 1806 г. («Песнь барда над гробом славян-победителей») // Вестник РГГУ. Литературоведение. Языковедение. Культурология. 2007. № 9. С. 210–222.

²⁹ Цит. по: Дубровин Н. Ф. Наполеон I в современном ему русском обществе и в русской литературе. С. 224.

³⁰ Русский архив. 1871. № 6. Стб. 86.

Кампания 1805–1806 годов не давала поэтам «одического» материала, и до середины 1806 года поэзия молчит о войне: ода Мерзлякова остается единственной, не слышна даже лира Державина (в 1807 году поэт напишет немало военных стихотворений, одно за другим). Создается впечатление, что поэты ожидают какого-то внешнего импульса. И этим импульсом становится для них императорское слово: два декабрьских рескрипта (петербургскому и московскому генерал-губернаторам) вызывают восторженную реакцию, выразившуюся, по словам современника, в «стиховном наводнении»,³¹ правда, ничто из написанного не попало в печать.

Исследователями отмечалось обилие стихотворных откликов на события русско-французской войны 1805–1807 годов,³² однако почти все тексты, кроме единичных, о которых сказано выше, а также «Военной песни» («Восстань, вздремавший дух героя!..»)³³ и «Стихов на Новый 1806 год» неизвестного автора,³⁴ относятся к концу 1806 — началу 1807 года. Резкий рост количества стихотворений был связан с изменением государственной риторики. Если в 1805 году Александр I издает только указ о рекрутском наборе, то осенью 1806 года, в начале второго этапа войны, император публикует сразу три манифеста, в которых прямо обращается к народу и признает особую его роль в нынешних исторических событиях.

Летом 1806 года русская армия смогла оправиться после недавнего поражения. Продолжение европейской войны должно было вернуть России статус одной из сильнейших европейских держав,³⁵ более того, успехи Наполеона начинали серьезно угрожать безопасности империи.³⁶ В июне Россия и Пруссия заключают секретную союзную декларацию, а осенью оформляется Четвертая антифранцузская коалиция, в которую вошли, кроме России и Пруссии, Англия и Швеция.

30 августа 1806 года был издан первый «военный» манифест — «О предстоящей войне с Францией».³⁷ В манифесте причины войны с Францией объясняются союзными обязательствами России и желанием сохранить мир. Если не будет удовлетворен вариант мирного договора, предложенного Россией и приемлемого, по мнению русской дипломатии, для всех участников конфликта, придется продолжать войну: «Мы обязаны будем честью Российского имени, безопасностью Нашего Отечества, святостью наших союзов, общим спасением Европы поступить к усилиям, какие по всем сим уважениям представятся Нам необходимыми». Так в тексте, начинающем значительный корпус манифестов времен русско-французских войн 1805–1814 годов, уже артикулируется принципиальный мотив спасения Европы.

Активные действия в новой войне начала Пруссия, 9 октября 1806 года официально объявившая войну Франции. Всего через 5 дней в битве при Йене и Ауэрштедте французы полностью разбили прусские войска. За один день прусская армия перестала существовать.³⁸ 27 октября Наполеон торжественно вступил в Берлин. Тем не менее, выполняя союзные обязательства, русская армия выдвинулась в поход.

³¹ Жихарев С. П. Записки современника. С. 142–154.

³² См., например: Дубровин Н. Ф. Наполеон I в современном ему русском обществе и в русской литературе // Русский вестник. 1895. № 2. С. 215–228; № 4. С. 214–243; Грунский Н. К. Наполеон I в русской художественной литературе // Русский филологический вестник. 1898. № 3–4. С. 204–210; Резанов В. И. Из разысканий о творчестве В. А. Жуковского. Вып. 2. С. 381–388.

³³ Московский курьер. 1806. Ч. 3. Июнь. С. 396–398 (подп.: Петр Конд...).

³⁴ Московские ведомости. 1806. 3 янв. № 1.

³⁵ А. А. Чарторыйский в 1806 году писал, что Россия «не желает и не должна потерять место и роль среди европейских держав, доставленные ей целым веком славных трудов» (Записка Чарторыйского. 17 января 1806 // Сборник Русского исторического общества. СПб., 1892. Т. 82. С. 293).

³⁶ В манифесте 16 ноября 1806 года «О начатии войны с французами» говорится: «...ныне собственные Наши пограничные владения им (врагом. — К. Х.) угрожаются» (Полн. собр. законов Российской Империи. Собрание первое. СПб., 1830. Т. 29. С. 825. № 22365). Ср. в «Записках» Ф. Ф. Вигеля: «Между тем, дело шло не на шутку. В первый раз еще французы начали близиться к нашим границам» (Вигель Ф. Ф. Записки. М., 2000. С. 116).

³⁷ Полн. собр. законов Российской империи. Т. 29. С. 701–702. № 22256.

³⁸ См.: Айрапетов О. Р. История внешней политики Российской империи. Т. 1. С. 66.

16 ноября выходит манифест «О начатии войны с французами».³⁹ В заключительной фразе манифеста утверждается, что сыны отечества не должны щадить ни жертв, ни усилий, надеясь при этом на «помощь Божию, на храбрость Наших войск, на известную опытность их предводителя». Основные деятели новой войны, таким образом, — Бог, регулярная армия и ее опытный военачальник. Однако менее чем через полмесяца Александру придется учесть еще одну могучую силу — народ.

3 декабря публикуется императорский манифест от 30 ноября, в котором сообщается о формировании повсеместных временных народных ополчений.⁴⁰

В обширном тексте манифеста объясняются причины нынешней войны (вероломство Наполеона и его жажда покорения Европы), разъясняется нынешняя военная обстановка в Европе (разгром Пруссии) и смысл движения русской армии. Александру приходится обратиться к народным массам, признать их значимость и акциональность в нынешних исторических обстоятельствах. Документ примечателен не только объемом⁴¹ и артикуляцией мотива народа, но и пафосом объединения сословий. В рамках одного текста царь обращается к знаменитому дворянству, иным, податным, сословиям (купечеству, мещанству, вольным крестьянам) и священству. По причинам историческим (необходимость в народном ополчении) образуется идеологическая доминанта — *объединенные силы всего русского народа*. Она возникает, таким образом, в государственном идеологическом дискурсе уже в 1806 году, задолго до событий Отечественной войны.

Для изучения истории восприятия манифеста важна переписка В. А. Жуковского и А. И. Тургенева в декабре 1806 года. В письме от первой половины декабря⁴² Жуковский, подобно другим современникам, отмечает неоднозначное восприятие государственного текста: «...то уныние, которое я заметил уже во многих, чему причиною сам манифест, в котором о необходимости вооружения и должности гражданской говорено языком ораторским, следовательно не совсем понятным для всех. У большей части по прочтении манифеста остается одна только мысль о новом и ужасном наборе...». Вместе с тем на примере самого Жуковского видно, как манифесты «мобилизовали» общество: если до этого автор не проявляет никакого интереса к политике, то ныне всерьез раздумывает о службе («Теперь всякий обязан идти в службу»), более того, сообщает о своей готовности вступить в ополчение («Впрочем, и во фронт идти не откажусь, если нужно будет идти, хотя за способности свои в этом случае не отвечаю»).

Жуковский спорит с гражданским пафосом манифеста. С его точки зрения, идеями, которые смогут воодушевить широкие массы населения, должны быть *царь* («Для большей части народа русского государь знакомее отечества...»), и *вера*: «Вот случай, в котором самая фанатичная вера может быть полезна: фанатизмом можно управлять, а теперь только того и желать должно, чтобы все покорялось без прекословия. Для чего не сказано ничего об опасности, угрожающей нашей вере? Вера есть имение каждого...». Кроме этих двух, основных, концептов он предлагает еще один: идею *дома, семьи, малой родины*, которые нужно оборонить («В проповеди (которую написал бы Жуковский, будь он священником. — К. Х.) основал бы все на вере; говорил бы о любви к государю, к женам и детям...»).

В ответном письме⁴³ Тургенев, по его собственным словам, каким-то образом причастный к написанию манифеста, не соглашается с мнением Жуковского и отстаивает озвученные в манифесте идеи *отечества* и *народа*. Он считает, что народ должен осознать свое отечество, понять его ценность, благодаря чему он обретет истинно народное самосознание: «Но право, брат, это есть единственное средство в теперешних обстоятельствах и произведет хорошее действие, хотя бы только и тем, что родит в нас

³⁹ Полн. собр. законов Российской империи. Т. 29. С. 865–866. № 22356.

⁴⁰ Там же. С. 892–897. № 22374.

⁴¹ Значительный объем текста крайне важен. Императору приходится высказываться максимально распространено, объясняя народу детали нынешней политической обстановки.

⁴² Жуковский В. А. Полн. собр. соч. и писем: В 20 т. М., 2019. Т. 15. С. 43–47.

⁴³ РГАЛИ. Ф. 198. Оп. 1. № 115. Л. 47–50 об.

новую привязанность к отечеству, познакомит нас с нами и уверит, что русский велик самим собою и что, покуда национальный наш характер в нас хотя и ослаб, но еще не совсем пропал, мы непобедимы. Можно разорить королевство — но народ, имеющий народное чувство, победить нельзя». Если Жуковский считает, что власти надлежит пообещать крестьянам облегчение крепостного состояния, то Тургенев уверен в том, что народ должен воспитать себя, это возведет его «на степень народа свободного», после чего только цепи рабства спадают сами.

В дружеской полемике Жуковского и Тургенева 1806 года уже представлены две основные идеологические стратегии времен русско-французских войн: государственно-мистическая и гражданская. Они, сменяя одна другую, обе будут использоваться в манифестах времен Отечественной войны и Заграничного похода.

После выхода осенних манифестов появляется ряд патриотических стихотворений, число которых нарастает с ноября 1806 года: «Ода на войну» В. Ф. Вельяминова-Зернова,⁴⁴ «К русским» («Восстань народ, царем любимый...») неизвестного автора⁴⁵, «Песнь барда над гробом славян-победителей» В. А. Жуковского,⁴⁶ «К согражданам» («Звук браней всюду раздастся!..») В. В. Попугаева,⁴⁷ «На выступление Российской Императорских войск» («Средь громов, бурь, стихиев спора...») А. П. Буниной,⁴⁸ «Чувство жителя Москвы по прочтении Высочайшего манифеста, данного на имя Главнокомандующего милицией Московской Области» П. Н. Приклонского,⁴⁹ «К Русским» («Восстаньте, русские герои!..») И. Лавинова,⁵⁰ «К моим согражданам» А. Ф. Воейкова,⁵¹ «На случай молебствия по прочтении Высочайшего Манифеста ноября 16 дня о войне против французов» Г. Н. Городчанинова,⁵² «Российскому воинству на победы в начале 1807 года» М. М. Хераскова,⁵³ «Стихи на случай вызова отставных солдат для служения отечеству» и «Стихи Павлу Денисевичу Рачинскому, начальнику батальона Смоленских стрелков»⁵⁴ С. Н. Глинки, «Ода, сочиненная на малороссийском наречии по случаю временного ополчения» Г. Кошиц-Квитницкого,⁵⁵ «Ответ на стихи, сочиненные на выступление корпуса гвардии в поход» А. А. Писарева.⁵⁶ Тематически (что видно даже по названиям) стихотворения можно разделить на три группы: тексты на выступление войск, оды по случаю манифестов и произведения, обращенные к абстрактной национальной силе («русским» или «согражданам»).

Чем же объясним столь заметный численный рост военной лирики в конце 1806 — первой половине 1807 года? Новая кампания, казалось бы, не отличалась от прошлогодней: обе они велись за пределами России, в обеих русские войска почти не одерживали побед. При том что доминирующим жанром остается ода, стихотворения на победы русского оружия, действительно, отсутствуют. Появление одических текстов связано с манифестами. Ода и манифест близки риторически как ораторские тексты, оперируют близкой стилистикой, фразеологией, метафорикой. Еще важнее то, что ода и манифест всегда идеологически нагружены,⁵⁷ причем чаще всего одним и тем же содержанием. В течение осени 1806 года государство создает основы новой идеологической модели с концептом *русского народа* в центре, после чего поэзия получает наконец внятную систему координат, в пространстве которой появляются оды — уже не на победы, а обращенные к русскому народу. Большинство поэтических

⁴⁴ Вестник Европы. 1806. Ч. 30. № 21. С. 29–32.

⁴⁵ Там же. № 23. С. 181–183.

⁴⁶ Там же. № 24. С. 266–280.

⁴⁷ Там же. С. 280–282.

⁴⁸ Любитель словесности. 1806. Ч. 4. № 12. С. 208–213.

⁴⁹ Минерва. Журнал российской и иностранной словесности. 1807. Ч. 4. Январь. С. 54–56.

⁵⁰ Там же. Февраль. С. 94–96.

⁵¹ Вестник Европы. 1807. Ч. 31. № 2. С. 120–121.

⁵² Там же. № 4. С. 260.

⁵³ Там же. С. 315–317.

⁵⁴ Там же. Ч. 32. № 8. С. 274–278; Ч. 33. № 9. С. 37–38.

⁵⁵ Там же. С. 39–44.

⁵⁶ Там же. № 12. С. 276–277.

⁵⁷ Охотин Н. Г. 1812 год в поэзии и поэзия в 1812 году. С. 15.

текстов конца 1806 — первой половины 1807 года проникнуты особым гражданским пафосом.

В стихотворении «К согражданам» В. В. Попугаева утверждается диалогическая связь царя и народа, взаимные любовь и защита:

Любить вас, Россы, Он умеет,
Для вас и жизни не жалеет;
Явя к нему свою любовь,
Оружье грозно принимайте...

Стихотворение «К моим согражданам» А. Ф. Воейкова пропитано народным чувством, объединяющим все сословия. Поэт призывает «россиян» взяться за мечи и защитить Европу, потому что «всесильная» рука русских привычна возвращать троны законным царям.

Примечателен текст С. Н. Глинки (автора, у которого в поэзии 1812–1814 годов мотив царя будет обязательно присутствовать в каждом стихотворении) «Стихи на случай вызова отставных солдат для служения отечеству». Здесь основным деятелем войны назван росс, которого вдохновляет на подвиги Бог. Русские воины способны поразить Наполеона, потому что полны любви к «родному пределу»: «Для Росса первая отрада, / Внимать: „и он России сын!“».

В ироническом стихотворении Г. Кошиц-Квитницкого «Ода, сочиненная на мало-российском наречии по случаю временного ополчения», написанном в фольклорной стилистике, казаки обращаются к французам как народ к народу, Наполеон здесь — внешний, не имеющий связи с французами монарх, власть которого надлежит свергнуть, после чего народ Франции будет жить как раньше. В ситуации народной «перориентации» поэзии важно экспериментальное стихотворение Державина «Атаману и Войску Донскому»,⁵⁸ написанное в мае 1807 года. Поэт старается сменить военную поэтическую риторiku, совмещая высокую батальную лексику с народной.

Вместе с тем встречаются и тексты, в которых центром мотивной структуры выступает *царь*.

В стихотворении «Чувство жителя Москвы по прочтении Высочайшего манифеста...» П. Н. Приклонского прекрасный глас императора, подобный гласу Бога («Не Бог ли с горняго эфира / Велел склониться Небесам <...> Нет; не мечте внимаю — слову / Из уст Монарха и Отца»), поражает лирического героя. По его мнению, москвичи должны доказать, что им нет равных в усердии и любви к царю, и привести в трепет Вселенную. Русские отправятся в Европу, оживят ее миром и вернут монархам их короны. Благодаря народной любви к императору, в России появляются герои.⁵⁹ В «Ответе на стихи, сочиненные на выступление корпуса гвардии в поход» А. А. Писарева максимально акциональному *царю* помогает *Бог*, а могучие *россы* следуют за Александром — здесь видна мотивная иерархия (царь — Бог — народ), широко распространенная в 1813 году и необычная для поэзии 1807-го.

Для истории эволюции русской оды представляет интерес «Ода на войну» В. Ф. Вельяминова-Зернова. Несмотря на заглавие, основным мотивом в тексте оказывается мотив тишины. Идущий еще от поэзии Ломоносова, данный мотив был одним из общих мест торжественной оды, где он часто соседствовал с обширными и восторженными описаниями брани. Будто игнорируя послеломоносовскую одическую традицию, Вельяминов-Зернов прямо продолжает пацифистский пафос од Ломоносова, который возник в «Оде императрице Елисавете Петровне на праздник рождения ее величества и для всерадостного рождения великой княжны Анны

⁵⁸ Державин Г. Р. Соч. Т. 1. С. 648–655. По мнению Я. К. Грота, на это стихотворение позднее ориентировался Жуковский, изображая подвиги атамана Платова в «Певце во стане русских воинов».

⁵⁹ «Его (росса. — К. Х.) души великой свойство / Любить Отечество, геройство, / Следами шествовать отцов — / И вновь Пожарские родятся, / И щедры Минины явятся / Искать отечеству венцов».

Петровны декабря 18 дня 1757 года» и только усиливался в каждой следующей торжественной оде поэта.⁶⁰

В стихотворении Вельяминова-Зернова мотив тишины является центральным: для лирического героя любая война — истинное зло, с которым нужно бороться миролюбивым:

Где ты — там грады упадают;
Святыней там пренебрегают,
И нет почтения к алтарям.
В презренье тамо иерархи,
Не почтены сами монархи —
Меч царствует единый там.

Правитель должен уметь прощать обиды и поднимать меч только для защиты слабых:

Се есть едино кровопийство, —
А не заслуга и не честь.
Один лишь тот монарх прехвален,
Велик, любим и прямо славен,
Кто забывать умеет мечь;
Который руку поднимает,
Чтобы невинность защищать;
Который злых лишь карает,
Дерзнувших на него восстать...

Бог всегда против войны, потому что он «Милость и Любовь»:

Любя злодейством величаться,
Мы смеем чадами назваться
Того, кто Милость и Любовь!..
Мы в жизни собственной не властны!

«Ода на войну» оказывается одой против войны, события, в котором лирический герой не способен найти ничего поэтического, а потому кончает свое произведение:

Постойте!.. но мольбы напрасны!..
Раздался гром... дымится кровь!

Самым значительным поэтическим текстом рассматриваемого периода является «Песнь барда над гробом славян-победителей» В. А. Жуковского, опубликованная в последнем номере «Вестника Европы» за 1806 год. Как известно, идея стихотворения была подсказана Жуковскому И. И. Дмитриевым. Произведение создавалось после манифеста 30 августа, который, вероятно, и воодушевил автора. Жуковский много работал над текстом в течение сентября–октября, окончательно дорабатывая его уже после поражения Пруссии (до середины ноября).⁶¹

«Песнь барда...», подобно другим стихотворным произведениям конца 1806 — первой половины 1807 года, в достаточной мере опирается на одическую традицию,⁶² однако практически не сопоставима с классической одой. Жуковский пишет оссиани-

⁶⁰ См.: Алексеева Н. Ю. Русская ода: Развитие одической формы в XVII–XVIII веках. С. 181–182.

⁶¹ См.: Жуковский В. А. Полн. собр. соч. и писем. Т. 1. С. 471–472 (комм. Ф. З. Кануновой).

⁶² Там же. С. 473. О риторических моделях стихотворений Жуковского, заимствованных им из одической поэзии XVIII века, см.: Кашкина Л. И. Традиции русского ораторского искусства в гражданско-патриотической лирике В. А. Жуковского // Жуковский и литература конца XVIII — начала XIX века. М., 1988. С. 132–151.

ческий «военный плач», прибегнув к форме, которая позволяет совместить скорбную лирическую интонацию с военно-патриотической темой.⁶³ Несомненно, Жуковский учел опыт Державина, «росского Оссиана», уже ранее использовавшего в одах оссианические мотивы, но пошел гораздо дальше своего предшественника — создал одновременно одически-торжественное и лирическое стихотворение. В «Песни барда» соотнесено несоотносимое — индивидуальное чувство и самая, казалось бы, надындивидуальная военная героика.⁶⁴

Мы не разделяем мнение, что «Песнь барда...» была пропагандистским текстом.⁶⁵ Она не опиралась на только начинавшую появляться в манифестах идеологическую схему. Наоборот, стихотворение было написано на тему, о которой нельзя было говорить — современники не обманывались, читая его как произведение, посвященное поражению под Аустерлицем.⁶⁶ Текст был адресован не власти, а обществу. Он предостерегает важный в истории русской батальной поэзии рубеж — вводит поэтическую тему героизации поражения. Меняя в процессе работы заглавие («...над гробом павших славян» на «...над гробом славян-победителей»), Жуковский превращает погребальный плач в победную песнь. Данная смена тона оказывала компенсаторное психологическое действие, потому что удовлетворяла сложной читательской потребности в вере в победу после поражения — потребности, с которой не могла справиться ни современная ода, ни государственные тексты, замалчивавшие Аустерлиц. Стихотворение стало своего рода «социальным медиатором», именно здесь Жуковский выступил «Гиртеем славян» — поэтом, взявшим на себя функцию поднятия духа и мобилизации общества.

В военной поэзии 1805–1806 годов не существовало одического шаблона, от которого мог бы оттолкнуться Жуковский. Это «внеидеологическое» время не создало верных одических текстов. Все хоть сколько-нибудь заметные стихотворения, написанные до появления александровских манифестов, — идеологически новаторские: в них действующей силой войны оказывается *народ*. То же видим в «Песни барда». В тексте Жуковского «россы» по-одически уподобляются орлам, подобны славным предкам, храбры и, как, например, в «Стихах на победу русских над французами при Кремсе» Мерзлякова, самостоятельны: именно они охраняют отечество, сражаются за свободу, причем не только свою, но и иных стран. Таким образом, Жуковский использует реформированную одическую традицию, стилистику Оссиана, разрабатывавшуюся в русской поэзии в течение предшествующих десятилетий, и более-менее общие для военной поэзии 1805–1806 годов мотивы: росса, славы предков и освобождения Европы. Абсолютным субъектом текста является *росс*, *Бог* явлен лишь единожды,⁶⁷ *царь* отсутствует вовсе. Более того, поэт насыщает текст военной поэзии важными в дальнейшем лирическими темами, которые будут им разрабатываться: в частности, в тексте явлены мотивы подвигов и смерти простых воинов,⁶⁸ тема семьи и дома, за который сражается русский воин, мотив проводов супруга или возлюбленного на бой. Интересно, что параллельно с Жуковским мотив расставания

⁶³ См.: *Иезутова Р. В.* В. А. Жуковский // История русской литературы: В 4 т. Л., 1981. Т. 2. От сентиментализма к романтизму и реализм. С. 119.

⁶⁴ См.: Там же; *Жуковский В. А.* Полн. собр. соч. и писем. Т. 1. С. 473 (комм. Ф. З. Кануновой).

⁶⁵ *Парсамов В. С.* В. А. Жуковский и официальная пропаганда в 1806 г. («Песнь барда над гробом славян-победителей»). С. 215.

⁶⁶ Жуковский, «подобно певцу о полку Игореве, в чудесных стихах оплакал павших в поражении Аустерлицком» (*Вигель Ф. Ф.* Записки. М., 1891. Ч. 3. С. 136).

⁶⁷ При чем Бог здесь — объект молитв, сам он не совершает никаких действий: «Воззрите на отцов коленапреклоненье! / Во славе, посреди могущих, посевев, / Подъемят к небесам трепещущие длани / И молят: царь судеб, за них, за них во брани! / О сколь возвышенны спасающие нас!»

⁶⁸ В примечаниях к публикации в «Вестнике Европы», снятых в последующих публикациях стихотворения, Жуковский говорит о том, что в образе раненого, но сохранившего боевое знамя воина он показал некоего солдата Емельянова, а создавая описание смерти юноши, думал о молодом человеке Новосильцеве, погибшем на поле сражения.

супругов разрабатывает А. П. Бунина в стихотворении «На выступление российско-императорских войск».

Мотив народа-деятеля, возникающий уже в редких военных стихотворениях 1805–1806 годов, после манифеста 30 ноября, утвердившего акциональность объединенного русского народа, широко распространяется в современной литературе, *народность* как идеологический концепт рождается в умах людей. В конце 1806-го и в 1807 году пишется и ставится ряд драматических произведений, аллюзивно соотносящихся с событиями настоящего времени и посвященных теме победы над монголо-татарским игом и событиям 1612 года: «Димитрий Донской» В. Н. Озерова, трагедия М. В. Крюковского «Пожарский», которая была известнее трагедии Озерова,⁶⁹ «историческое представление» Державина «Пожарский». По мотивам событий Смутного времени пишутся поэмы С. Н. Глинки «Пожарский и Минин» и С. А. Ширинского-Шихматова «Пожарский, Минин, Гермоген, или Спасенная Россия». По мнению А. Л. Зорина, именно в 1806–1807 годах «освобождение России от поляков и воцарение династии Романовых начинают восприниматься как ключевое событие народной истории», которое создало идею *русского народа* — всесословного национального объединения, выступившего против захватчиков.⁷⁰

Конец 1806 года прошел без значительных военных столкновений. 26–27 января 1807 года произошло сражение под Прейсиш-Эйлау. В России сражение было признано бесспорной победой русского оружия,⁷¹ однако в действительности итог сражения был спорным: сразу после боя Л. Л. Беннигсен приказал отступить. В течение зимы — весны 1807 года русские и прусские войска только сдерживали войска Наполеона. 2 июня французская армия разбила русскую под Фридрихсбургом, после чего овладела Кенигсбергом. 9 июня было подписано перемирие, 13 июня произошла известная встреча императоров на плоту посреди Немана, после которой 25 июня в Тильзите был подписан трактат о союзе с Францией. Манифест «О заключении мира с Французской империей» вышел более чем через месяц, 9 августа — признание мира со вчерашним врагом нелегко далось русскому императору.⁷²

После Тильзитского мира, который был встречен в обществе с разочарованием и тоской, количество военных стихотворений резко уменьшается. Редкие тексты, продолжающие линию баталистики военного времени, не разрешаются к печати. Такая судьба, в частности, постигла стихотворение Державина «На мир 1807 года», в котором был представлен отрицательный образ французского императора. Однако ненависть к Наполеону и Франции продолжает расти и выражается в литературе, — галлофобия XIX века возникла в 1806–1807 годах, однако ощутимо усилилась после Тильзитского мира — в драматических сочинениях, баснях, очерках и памфлетах.⁷³

⁶⁹ Галахов А. Д. Русская патриотическая литература 1805–1812 гг. // Филологические записки. 1867. Вып. 1. С. 16.

⁷⁰ Зорин А. Л. Кормя двуглавого орла... Русская литература и государственная идеология в последней трети XVIII — первой трети XIX века. М., 2001. С. 157–186.

⁷¹ См., например, рассуждения Ф. Ф. Вигеля: «Наконец, в начале февраля 1807 года узнали мы о решительной победе над французами при Прейсиш-Эйлау, 27 января. Казалось, что только этого известия и ожидали: оно подало знак зимним увеселениям. Что ни говори французы, сражение это мы выиграли, и лучшим доказательством тому служит четырехмесячное после него бездействие Наполеона, который не очень любил отдыхать на лаврах. Напротив того, немец Беннигсен, отколов исполона, сам изумленный чудом, совершенным не столько им, как русскими солдатами, уверенный в невозможности нового нападения со стороны неприятеля, захотел вкушать сладостное успокоение. По заочности судить трудно, особливо человеку, не принадлежащему к военному ремеслу; однако же все меня после уверяли, что Суворов и Кутузов так бы не поступили: не довольствуясь сим поражением, они бы заставили Наполеона не по сю сторону Вислы, а за Одером и, может быть, за Эльбой расположиться на зимних квартирах» (Вигель Ф. Ф. Записки. М., 2000. С. 120). Л. Л. Беннигсен по поводу сражения заявлял: «Я отбросил его (врага. — К. Х.) на всех пунктах и разбил совершенно» (Письма Л. Л. Беннигсена к Римскому-Корсакову (1805–1807) // Русская старина. 1898. № 7. С. 136).

⁷² Подробнее см.: Айрапетов О. Р. История внешней политики Российской империи. Т. 1. С. 85.

⁷³ В частности, в произведениях Ф. В. Ростопчина («Мысли вслух на красном крыльце», породившие целый ряд подражаний), И. А. Крылова (комедии «Модная лавка» и «Урок дочкам»,

Несмотря на значимость, эта линия в русской литературе по необходимости не рассматривается в данной статье.

В заключение остановимся на истории нескольких поэтических текстов, стоящих особняком, однако важных для понимания поэзии эпохи.

Первый из них — «Торжество Александрово, или Сила музыки» А. Ф. Мерзлякова, опубликованный в февральском номере «Вестника Европы» 1806 года,⁷⁴ т. е. задолго до появления военных манифестов Александра I. Это перевод оды Дж. Драйдена «Alexander's Feast; or the Power of Music» (1697), приуроченной ко дню св. Цецилии (22 ноября), покровительницы музыки и музыкантов. Ода Драйдена, написанная на сюжет из Плутарха, посвящена пиру Александра Македонского после победы над персидским царем Дарием.

Данная ода Драйдена была ранее переведена А. Х. Востоковым («Пир Александра, или Могущество музыки. Драйденева кантата на день Цецилии, изобретательницы органов»). Стихотворение Востокова было написано в марте 1804 года, спустя год представлено в Вольное общество любителей словесности, наук и художеств⁷⁵ и напечатано в 1806 году во второй части его «Опытов лирических». Востоков, по видимому, читал текст Драйдена как произведение, посвященное силе влияния поэзии, никак не соотнося его с современной исторической ситуацией. Мерзляков же аллегорично переосмыслил оду, уподобив времена Александра Македонского нынешним.⁷⁶ В ситуации возобновившейся войны призыв павших воинов к мщению, выполнявший в тексте Драйдена сугубо фабульную функцию, по-новому звучит в тексте Мерзлякова:

Зри: тени бледны в облаках! —
 Перуны в их руках! —
 Кто вы? — не души ли героев, убиенных
 На поле битвы злой?..
 Там трупы их забвенны
 Лежат в крови густой
 И просят погребенья! —
 Я слышу страшный глас:
 Мщенья! мщенья! мщенья! —
 Возьмите стыд от нас!

Такое прочтение произведения Драйдена подготовило еще одно обращение к нему, произошедшее, по всей вероятности, сразу после начала Отечественной войны 1812 года, — стихотворение Жуковского «Пиршество Александра, или Сила гармонии». Жуковскому, вероятно, были знакомы предыдущие переложения английской оды, но его текст значительно от них отличается: стихотворение не названо кантатой, изменена композиция, исключены партии хора, усилены драматизм и лиризм текста. Важна и смена названия — Жуковский меняет «силу музыки» («The Power of Music») на «силу гармонии», перенося акцент с музыки на поэзию. Обращение к тексту Драйдена, рисуящему времена Александра Македонского, связано с тем, что Жуковский (как до этого Мерзляков) видел явную связь между событиями греко-персидских войн и войны против Наполеона. Данное стихотворение о певце предваряет «Певца во стане русских воинов», которого Жуковский напишет через несколько месяцев и в котором использует опыт соположения лирического и эпического, полученный в том числе при написании «Пиршества Александра». Однако и на этом история «военного» прочтения Жуковским текста Драйдена не закончилась.

басни «Крестьянин и Змея», «Червонец», «Ворона и Сыр» и др.), Ф. Ф. Иванова (комедия «Семейство Старичковых»), текстах С. Н. Глинки в его «Русском вестнике».

⁷⁴ Вестник Европы. 1806. Ч. 25. № 4. С. 273–279.

⁷⁵ См.: http://www.library.spbu.ru/rus/Volsnx/Vostok/v_spis.html; дата обращения: 31.07.2021.

⁷⁶ Резанов В. И. Из разысканий о творчестве В. А. Жуковского. Ч. 2. С. 385–386.

В ноябре 1814 года в письме А. И. Тургеневу он предлагает начать традицию ежегодных праздничных стихотворений, посвященных дню рождения Александра I и непосредственно соотносимых с днями окончания Отечественной войны (оба события приходится на вторую половину декабря). Свой проект Жуковский уподобляет традиции празднования дня святой Цецилии в Англии: «У меня бродит в голове мысль, что если 6 25 декабря⁷⁷ было бы для нас то же, что для англичан день святой Сесилии. Чтобы непременно каждый год была бы сочинена ода на этот день и положена на музыку»,⁷⁸ и в ряду английских авторов первым называет Драйдена.

В качестве стихотворения, начинающего новый ежегодный поэтический обычай, Жуковский в ноябре 1814 года пишет послание «Императору Александру».⁷⁹

Проект Жуковского не воплотился в жизнь, однако утвердился другой обычай. Каждый год 25 декабря в Зимнем дворце после благодарственного молебна играли «Преображенский марш».⁸⁰ Под него же гвардия в 1814 году вступала в Париж.⁸¹ По словам Ф. В. Булгарина, марш был очень популярен в 1807 году и его пели в войсках по тексту, сочиненному С. Н. Мариним.⁸² Сам текст долгое время был известен только в позднем варианте, зафиксированном в «Воспоминаниях» Булгарина, который тот, по собственному признанию, записал по памяти.⁸³ Несколько лет назад была обнаружена ранняя редакция «Марша» (1806 года), значительно отличающаяся от булгаринского варианта.⁸⁴

Поздняя редакция,⁸⁵ как представляется, относится к иному времени — эпохе наполеоновских войн 1812–1814 годов. Об этом свидетельствует каноническая мотивная структура, которая в 1805–1807 годах только начинает складываться: храбрые россы — важно, что мужество русских проговаривается⁸⁶ («храбрость россов»), — воспоминание «славного прошлого» и одна основная сила (здесь — «русский народ»), побеждающая врагов. Кроме того, данный текст выполнен в жанре солдатской песни, окончательно оформившемся только в 1812–1814 годах. Эта редакция впоследствии перепечатывалась в песенниках, где смотрелась вполне органично.

Вариант 1806 года, напротив, обладает рядом характерных черт, не позволяющих отнести его к 1812 году. В тексте сосредоточением акциональности являются *русские воины*: они бесстрашны и могучи; особенное внимание обращается на русское слово: «...Ура! по-русски / Закричим: смелей ступай». Воины сражаются за «народ свой и царя» — равнозначные понятия в рамках текста. В стихотворении звучит мысль об отказе от союза с другими странами («Нам к чему искать союзов / В силах сами победить»), а пруссаки названы «простаками» — крайне странные элементы текста для эпохи Отечественной войны. Еще важнее то, что произведение близко к гусарской песне Давыдова, что кажется логичным — Марин был, вместе с Давыдовым, начинателем гусарской традиции в русской поэзии.⁸⁷ Совпадают и размер (4-стопный хорей), и текстовая интонация, и культ воинской удали. Сравним:

⁷⁷ День обнаружения манифеста об окончании Отечественной войны.

⁷⁸ Жуковский В. А. Полн. собр. соч. и писем. Т. 15. С. 287.

⁷⁹ Подробнее см.: Там же. Т. 1. С. 581–584.

⁸⁰ Марин А. Н. Краткий очерк истории Лейб-гвардии Финляндского полка. СПб., 1846. Кн. 1. С. 79.

⁸¹ Там же.

⁸² Булгарин Ф. В. Воспоминания. Ч. 2. С. 322–323.

⁸³ Там же.

⁸⁴ Фоменко И. Ю. К истории создания «Преображенского марша» на слова С. Н. Марина // Бородино и освободительные походы русской армии 1813–1814 годов: Материалы Международной научной конференции, 3–6 сентября 2014 г. Бородино, 2015. С. 531–538.

⁸⁵ Булгарин Ф. В. Воспоминания. Ч. 2. С. 323–324.

⁸⁶ Упоминания храбрости русского народа почти обязательно присутствуют в стихотворениях времен Отечественной войны и Заграничного похода, в лирике 1800-х годов мужество россов подразумевается, однако почти никогда на него отдельно не указывается.

⁸⁷ Скубин С. М. Поэты-Преображенцы и Денис Давыдов: Жанрово-стилевое своеобразие «гусарской» поэзии. Автореф. дис. ... доктора филол. наук. М., 1995.

Знает каждый [в] нас, конечно,
 Что раз должно в землю лечь
 Жизнь дана нам не навечно
 Так к чему ж ее беречь.
 («Преображенский марш», 1806)

Выпьем же и поклонёмся,
 Что проклятью предаёмся,
 Если мы когда-нибудь
 Шаг уступим, поbledнеем,
 Пожалеем нашу грудь
 И в несчастье оробеем.
 («Бурцову», 1804)⁸⁸

Особенно близок текст более позднему стихотворению Давыдова «Песня» (1815), которое логично продолжает его «залетные послания» 1804 года:

Ну-тка Братцы, со штыками
 И сам черт в большой беде,
 С лошадиными хвостами
 Вряд француз уйдет к себе.
 («Преображенский марш», 1806)

За тебя на чёрта рад,
 Наша матушка Россия!
 Пусть французшки гнилые
 К нам пожалуют назад!
 («Песня», 1815)⁸⁹

А предыдущий фрагмент «Преображенского марша» совпадает со строфами «Песни»:

О, как страшно смерть встречать
 На постели господином,
 Ждать конца под балдахином
 И всечасно умирать! <...>

То ли дело средь мечей!
 Там о славе лишь мечтаешь,
 Смерти в когти попадаешь,
 И не думая о ней!⁹⁰

Здесь важны не мотивные и фразеологические (Давыдов, вероятно, знал «Преображенский марш»), а стилистические и ценностные совпадения — будь в «Марше» хотя бы одно упоминание гусар, текст почти соответствовал бы канону гусарской песни. Быть может, еще важнее сходство комического в тексте Марина и в лирической системе Давыдова: «Преображенский марш» пропитан юмором и шутливой интонацией, которых почти лишен текст, приводимый Булгариным. Комическое здесь не снижает героического. Если вторая и четвертая строфы полны задора и смеха, то четверостишие между ними значительно более серьезно и «высоко», в нем лирический герой говорит о смерти.

«Гусарская песня», по справедливому наблюдению В. Э. Вацура, «не создала в русской поэзии сколько-нибудь устойчивого жанрового образования», но «расшатывала сложившуюся батальную традицию и отыскивала новые, деканонизирующие формы лирической экспрессии».⁹¹

«Торжество Александрово...» Мерзлякова и «Преображенский марш» Марина связывают 1806 год со временем Отечественной войны — важнейшей вехой русско-французского противостояния первой половины XIX века.

⁸⁸ Давыдов Д. В. Стихотворения / Сост., подг. текста и прим. В. Э. Вацура. Л., 1984. С. 58 (Библиотека поэта. Большая сер.).

⁸⁹ Там же. С. 75–76.

⁹⁰ Там же.

⁹¹ Вацура В. Э. Денис Давыдов — поэт // Там же. С. 11.